

ЕКИМОВ И ДРУГИЕ

Коме. правда. -1992.-Челнв.-С.6.

НОВОЕ ИМЯ

Мы жили, как выяснилось, в одном городе. Встречались с одними и теми же людьми. И не были знакомы. Юра изучал физику в знаменитой ФМШ, а потом и в университете. А я бегал по премьерам местных театров, к чему обязывала профессия, и физикой совершенно не интересовался.

Потом и он почему-то потерял к ней интерес. Как могу догадываться, из-за театра. Мои же привычки мало менялись. Пропустить премьеру «Леса» Островского с незнакомым Несчастливцевым я, конечно же, не мог.

Спектакль, наверное, не понравится школьным учителям. И кто-нибудь опять напишет жалобу на режиссера Мокеева. У Мокеева просто страсть ссориться со школьными литераторами. Хотя сам деликатен и улыбчив. Но вот сочинил спектакль о Лермонтове. Многие недоросли впервые уяснили, что классик был молод. И вовсе не с бородой, как Лев Толстой, да и погиб не от рук царского самодержавия, что утверждают учебники. А скорее от скверного характера. Страшно подумать, Мартынов вызывал жалость...

Пока почта доставляла в официальные приемные хулу на Мокеева, сам он сокрушался только по поводу отсутствия всякого аристократизма у исполнителя главной роли. Тот действительно двигался, как нашкодивший пэтэушник, норовил сунуть руки в карманы и даже плюнуть при случае... Мокеев страдал. Поколение актеров, еще заставшее истинных аристократов, быть ему полезным уже не могло.

Режиссеру удалили зуб, и он был страшен. Но на Лермонтова и это не произвело впечатления. Он по-прежнему пугал возможностью «поковырять в носу». Пришлось расстаться — накануне премьеры. Новый исполнитель был извлечен из недр ГИТИСа, оказался способным студентом, но все равно подвергся нещадной дрессуре. «Как вам будет угодно, сударь», — часами щелкал он каблуками перед кастрюлями на коммунальной кухне, где, как правило, и вынашивал свои замыслы Мокеев (о бытовых условиях молодых и способных режиссеров драмы в столице лучше не распространяться).

Кастрюли все стерпели. В итоге получилось неплохо. Но жалобы, наверное, все-таки дошли куда надо. Спектакль радовал недолго.

Михаил Мокеев — талантливый режиссер без театра. Он его все время создает. На чужих площадках, без денег и какой-либо мало-мальски реальной перспективы, но всегда с очень способными людьми. Последнее обстоятельство более всего характеризует его самого: способным актерам, художникам, хореографам с ним интересно работать. Хотя все, что он задумывает, оригинально по замыслу и всегда не просто «по воплощению». Он первым поставил Мрожека. Драматург-интеллектуал, философ, психолог не оставлял места актерам. Мокеев блестяще их примирял. И обнаружил необыкновенное усердие и находчивость в соиздании характеров героев. Найти для этого занятия в современной драматургии более подходящего союзника просто невозможно.

Мокеев и Мрожек создали неповторимый дуэт в «Эмигрантах» — Романа Козака и

Александра Феклистова. Мне всегда казалось, что это его актеры. Таких случайностей не бывает. Спектакль играют до сих пор. А судьбы сложились не так, как представлялось. Роман Козак, чрезвычайно одаренный человек, много и удачно играл на сцене МХАТа, основал его пятую студию, стал режиссером и даже главным. Так же самостоятелен в творчестве и Александр Феклистов. Мокеев же пошел в педагоги, как я понимаю, искать дальше.

И вот «Лес» Островского как рождественский подарок всем нам. Может быть, странно, но именно Александр Николаевич Островский остается и в этом сезоне самым современным драматургом. С его сочинениями естественнейшим образом уживается любая модерн, изыски самых свободомыслящих режиссеров.

Спектакль может разочаровать лишь ленивых школьных учителей необходимостью думать и объяснять. Что педагогам такого рода всегда противно. А вообще приятно и полезно. Мокеев поставил театральный роман. И на этом отрезке злой творческой жизни был дружен и солидарен со Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом. Актеры представляют театр, из жизни придуманной и настоящей, театр с его условиями, стилями, традициями и стереотипами. Представляют остроумно, пронично, но и добродушно. Сколько удивительных новостей в известном каждому произведении, какого высокого профессионального мастерства импровизации ретро... Яркая комедия, настоящий театральный праздник, счастливые находки.

И главная — актер Юрий Екимов в роли Несчастливцева. У талантливого человека все просто. «Аркадий», — произносит Несчастливцев свою первую фразу. Но как произносит! В коротком восклицании и радости от встречи со старинным приятелем, и разочарование по этому же поводу, и плохо скрытая усталость, и, не выветриваемые уже, нотки провинциального трагика... Екимов, как Сергей Бубка, в одну секунду берет немалую высоту интереса. И весь зал вслед за ним туда карабкается. И до конца спектакля там, на этой высоте, остается.

Несчастливцев, как камертон, выдерживает основную интонацию спектакля. Все же шалости, хитрости, придуманные Мокеевым и его соратниками с богатым воображением, словно бы нанизываются на нее.

Самого Екимова эта задача не тяготит. Он прекрасно понимает Мокеева и живет в его

замыслах, «как рыба в воде». Чувствуется, Мокеев разглядывал персону Несчастливцева в увеличительное стекло: так выразительны каждая фраза, жест, движение. Екимов справляется с многочисленными нюансами играючи, самозабвенно уходит в обстоятельства, придуманные Мокеевым специально, что не мешает ему пребывать в исключительном родстве с мыслями и словами Островского. Взаимоотношения с классиком у него особые. Будто он и текст не учил. Нет искусственности. Кажется даже, что это и не Александр Николаевич написал, а Несчастливцев сию секунду молвил как пришлось. Екимов удивительно чуток к слову. Он не только знает, как каждое произнести, но и что при этом должно происходить с его глазами, лицом, как будут двигаться руки и ноги, чтобы нам был близок единственно верный смысл сказанного и содеянного. Ой, актер, подчинен слову. И оно с ним не перемонит: требует присутствия мысли на лице и исключительной ее подвижности, меняет, как вдумывается, фигуру, а уж какие испытания выпадают голосу...

Но Екимову только этого и надо. Он счастлив. И наблюдать жизнь слов и мыслей Островского в его версии, даже в стиле постмодерна, очень приятно. Как редко повторяются слова, так же не повторяется и актер. У другого исполнителя это будет иначе. А все, что сейчас показывает Екимов, на всем белом свете так умеет делать он один. В этом смысле теперь уже его присутствие на сцене.

Иногда мне кажется, что в спектакле ему мало Несчастливцева. Если бы Мокеев позволил, он, пожалуй, и от лавров Раисы Павловны Гурмыжской не отказался (правда, с этой ролью великолепно справляется Елена Казаринова). Но легкость перевоплощения, поразительная пластичность, естественность и убедительность в любой ситуации, профессиональный азарт оставляют ощущение беспредельности его возможностей.

Последняя сцена. Я возвращаюсь домой с рассказами о необыкновенном Екимове. С заглянувшим отужинать знакомым мы долго кричим друг другу «Аркадий»... пока обеспокоенные родственники не являются справиться, вполне ли мы здоровы. Их вид красноречиво подтверждает догадки о том, что ничего сколько-нибудь художественного в наших воплях не обнаружено. Но пусть вас это не останавливает. Попробуйте сами. Даже если пригласят врача известной специальности — не сдавайтесь. Хотя бы один раз в жизни оцените, какой это трудный и неподдающийся материал — слово. И что такое легкость и достоверность на сцене...

Не надо только спрашивать, куда же потом деваются молодые и талантливые актеры... В никуда. Саввы Морозовы на дороге не валяются. В театр же ходят люди бескорыстные, как правило, безденежные. А юноши-миллионеры давно уже не читают книг и вечерами с хранителями своих тел подсчитывают доходы. Что же касается государства — никто не знает. И я по этим причинам не могу сказать вам, когда и где Екимов будет играть Несчастливцева вновь в ближайшее время.

Скучно живем, господа!

Ю. ДАНИЛИН.